

Рассказывает ветеран Великой Отечественной войны Николай Федорович ГУРЕЕВ (г. Холмск):

– С началом войны всех взрослых поголовно забрали в армию, отец тоже тогда ушел. Погиб он в 1942-м на Ленинградском фронте. Десятки лет после войны я искал его захоронение, и только в 1997 году мне прислали уведомление, где его могила.

А тогда мы были еще молоды, жили в прифронтовой полосе, работать приходилось за взрослых, которые ушли на войну, днем убирали урожай, а ночью возили зерно сдавать на базу, да мало ли другой работы. В июне 1942-го нас, 13 подростков, направили в Воронежскую область на оборонительные работы, где мы рыли траншеи, строили доты, дзоты, валили лес. На работы ездили за 100 с лишним километров от дома на колхозных лошадках. Когда немец стал приближаться уже и к Воронежу, обходным путем нас отправили обратно. И вот на паромной переправе я впервые увидел лицо войны – в небе над головами завязалась коротечный воздушный бой. Ни мы, и что самое главное, ни наши лошади не были еще обстреляны. А тут скрещ, рев!.. «Сквазанули» наши «сысаки» во все лопатки! Но мой конь оказался умницей – остался на месте, как вкопанный, ржал только испуганно, и из огромных черных глаз катились маленькие слезы. Полизал мои ноги, а я вытащил ему из кармана корочку хлеба, мол, не грусти – похрусти. Такая вот лошадка была...

Ну а в 1943 году, в апреле, забрали и меня со школьной скамьи. И затем в течение года я познавал в различных воинских частях боевую технику. За это время по-

ЖИЗНИ МГНОВЕНИЯ

Правда, все тело бойца туда не помещалось – ноги, как ни старайся, всегда неуклюже торчали из окопа. И вот когда прогремел очередной взрыв, в мою торчащую ногу ударил осколок разорвавшегося рядом снаряда. Спасенье оказалось в портмоне с фотографиями и, как ни смешно, в ложке, что была приложена к нему в кармане. Ложку, правда, жалко – от сильного удара ее согнуло в зигзаг, а на ноге хоть и не было раны, но зато очень быстро вырос огромный синяк. Хотя это все же лучше, чем раскаленный кусок железа в мясе.

А затем очень много времени пришлось провести в госпиталях – война для меня кончилась. Сегодня многие говорят о том, что людей посыпали воевать неподготовленными. Может быть, в первые дни и было так, не спорю, но меня, уже фронтовика, сразу не отправили на передовую, а переслали в запасной стрелковый полк для дальнейшей боевой подготовки...

В июне 1946, уже после войны, попал я на Дальний Восток, на небольшой остров Матуя Курильской гряды. Правда, он имел стратегическое значение для японцев, они тут здорово окопались – весь остров был изрыт тоннелями, где были размещены запасы продовольствия и оружия. Видимо, для них

война была не настолько сложной – чувствовали они себя тут довольно комфортно. У японцев, судя по всему, исправно работал даже свой дом терпимости. Построены все эти сооружения кореянами и китайцами. А когда завязалась война, так их с детьми и женщинами, закупорив в баржи, спешно и безжалостно утопили. Интересно, что возле этого острова потоплены еще два американских десантных парохода. Вместе с доблестным американским десантом. И когда уже наши части разместились на острове, то многие из интереса ныряли под воду за всяkim хламом.

Но на острове я долго не задержался. С шестого на седьмое ноября, как раз в канун знаменательной даты, собрались наши четыре командира взвода отметить годовщину великого праздника, когда на острове вдруг с грохотом взорвался вулкан. Он был постоянно действующим, все это знали, но все равно извержение было неожиданностью. Поднялись по тревоге. Пока выносили добро, часть казарм успела спрятать от накрывающей их лавы. Самым безопасным местом стал мыс Пограничников, где наш гарнизон и просидел на чехоманах в ожидании эвакуации две недели под открытым небом. Иностранцы, правда, предложили помочь, но наше правительство не согласилось. Позже подвели советские торговые и военные суда, но спустя две недели нас выселили, наконец, с вулкана.

Во время эвакуации все писари со своей документацией находились отдельно, да и перевозили их на пароходы не сразу. А вечером начало штурмить. Мне тогда посоветовали оставить казенные и свои бумаги на берегу. Или дождаться хотя бы утренней отправки, а не рисковать на бурном вечернем море – оно, как известно, ошибок не прощает. И в самом деле, прогноз советчика, старого камчадала, оказался к несчастью, чересчур точен.

Тогда у нас не было быстроходных катеров, лишь деревянные кунгасы, на одном из которых нас и разместили (все 65 человек). Была даже женщина с ребенком. Расселись, бесстрашно поехали,

но сопротивляемость водного бара оказалась больше скорости старого катера-буксира. И растительный трос постоянно рвался. На третьем обрыве у катера, в довершение всего, кончилось топливо, и, прокричав в рупор, что, мол, заправляемся и вернемся, катер оставил кунгас на волне стихии. А нас, бедолаг, понесло ветром и волнами совсем в другую сторону – в море.

На счастье, в лодке оказался пропагандист-агитатор гарнизона, майор, который служил, пока ему позволяло здоровье, на флоте. Вот он-то и руководил тогда нами. Сумел создать из пассажиров подобие экипажа, пусть утого, но суденышка. А вокруг подводные рифы. Ударит об такой камень неповоротливый кунгас, и начнется его кренить течением да волнами. Черпнешь воды – и поминай как звали! Мы, все 65 человек, без устали скакали с одного борта на другой по команде нашего «капитана», чтобы уравновесить свою лодку. Таким вот образом наша уже избитый рифами кунгас без пробоин умудрился перевалить опасные подводные камни за четверть с половиной часа.

А когда ветер изменился, нас подогнало обратно к берегу метров эдак на 150 – 200. Ноябрь – представьте какой колотун! Нам наш «капитан» тогда приказал: по 2 – 3 человека, взявшись за руки, прыгать в ледяную воду и шагать до берега. Спаслись все, но, к глубокому сожалению, я тогда потерял всю свою документацию и свои личные фотокарточки. После этого «круиза» подумалось, что вот на фронте не убило, так здесь, уже в мирное время, можно найти свою могилу, пойти на съедение рыбам.

Странная штука жизнь – никогда не знаешь, где закончится...

Записал Александр ШМИДТ, г. Холмск.

На фото: вверху справа – Николай Гуреев в апреле 1944 г. перед отправкой на фронт; Николай Федорович Гуреев, боец Первого Прибалтийского фронта, сегодня.

Фото автора.

УВАЖАЕМЫЕ ВЕТЕРАНЫ!

Примите самые искренние и сердечные поздравления с праздником – 60-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне! 9 Мая отдаем дань глубокого уважения героизму и самоотверженности защитников Родины. Нет семьи в России, где бы ни чествовали сегодня вас – ветеранов войны. Нет такого дома, где не жила бы память о тех, кто отдал жизнь за Родину, кто, пройдя фронтовые дороги, не дожил до этого торжественного дня. День Победы для нас – это символ мужества, величия и силы духа нашего народа, бессмертного подвига воинов и тружеников тыла. Мы выражаем слова глубокой благодарности всем тем, кто достойно выполнял свой долг как на фронте, так и в тылу, и скорбим о тех, кто не вернулся с полей сражений.

Мы все в неоплатном долгу перед погибшими солдатами войны и ветеранами, которые своими боевыми и трудовыми подвигами приближали Победу. В этот великий день торжества мира примите искренние пожелания счастья и здоровья, доброты и любви близких, спокойствия и долгих лет жизни!

*С праздником Победы вас, дорогие ветераны!
Земной вам поклон!*

Владимир БОЧАРОВ, генеральный директор ФГУП «Аэропорт „Южно-Сахалинск“»